

DOI: 10.17976/jpps/2017.04.11

“ВЕЛИКИЕ ДЕБАТЫ”: СПОСОБ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ИЛИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ?

В.Н. Коньшев, А.А. Сергунин

КОНЫШЕВ Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Для связи с автором: konyshev06@mail.ru; **СЕРГУНИН Александр Анатольевич**, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Для связи с автором: sergunin60@mail.ru

Коньшев В.Н., Сергунин А.А. “Великие дебаты”: способ структурирования или периодизации теории международных отношений? – Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 156-164. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.11>

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом (проект № 16-17-10085)

Статья поступила в редакцию: 03.02.2017. Принята к печати: 20.02.2017

Аннотация. Статья представляет собой отклик на публикацию Т.А. Алексеевой “Дебаты о ‘Великих дебатах’: как структурировать теорию международных отношений?” (Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 9-21). Тема, поднятая Т.А. Алексеевой, помогает пролить свет на истоки идейного и методологического кризиса теории международных отношений (ТМО), в котором она оказалась 25-30 лет назад и который не преодолен до сих пор. Авторы подчеркивают, что Т.А. Алексеева с позиций социального конструктивизма переводит разговор о “Великих дебатах” из плоскости происходящей в действительности полемики конкретных ученых в плоскость анализа дискурса в рамках ТМО. Можно согласиться с Т.А. Алексеевой в том, что есть разные точки зрения на периодизацию и содержание дебатов, что полемика порой проходила с неким обобщенным комплексом идей, а не с конкретными учеными, что использование “Великих дебатов” для периодизации эволюции ТМО не охватывает всего многообразия ее эволюции. В то же время авторы оспаривают тезис Т.А. Алексеевой о том, что “Великие дебаты” всего лишь миф, или некая полуправда, отражающая отдельные моменты соответствующего дискурса. В качестве контртезиса они аргументируют собственную позицию в вопросах изучения истории ТМО и ее дисциплинарной эволюции, согласно которой под сомнение ставится плодотворность и полезность конструктивистского подхода, отождествляющего реальность и дискурс.

Ключевые слова: теория международных отношений; “Великие дебаты”; социальный конструктивизм; эволюция теории международных отношений; дискурс.

В статье Т.А. Алексеевой [Алексеева 2016] ставится ряд важных и, вместе с тем, интересных с дискуссионной точки зрения вопросов, касающихся истории развития теории международных отношений (ТМО). Нельзя не согласиться с автором статьи в том, что вопрос об адекватной реконструкции истории этой научной дисциплины является далеко не праздным как для ее дальнейшего развития, так и для воспроизводства кадров специалистов-

международников, т.е. для правильной организации преподавания ТМО в вузах. Выявление важнейших этапов формирования и закономерностей развития ТМО не только позволяет восстановить историческую картину эволюции этой научной дисциплины, но и помогает сориентироваться в оценках ее современного состояния и будущего развития.

В частности, это помогает пролить свет на истоки идейного и методологического кризиса ТМО, в котором она оказалась 25–30 лет назад и который до сих пор не преодолен до конца. Нелишне напомнить, что ТМО оказалась неспособной предсказать большинство драматических событий конца XX в., связанных с окончанием холодной войны и крушением системы социализма. До сих пор она не дает убедительных ответов о механизмах и последствиях наблюдаемой сегодня трансформации международных отношений.

Ситуация усугубляется и тем, что дискуссии об истории ТМО происходят в обстановке острой – и не всегда конструктивной – межпарадигмальной полемики. Постпозитивисты, предпочитающие называть “традиционные” или “классические” парадигмы ТМО (неореализм, неолиберализм и глобализм) позитивистскими (к негодованию последних), претендуют не только на радикальное обновление категорий, теорий и методологии, но и на собственную интерпретацию истории данной научной дисциплины.

К сожалению, очень часто радикализм постпозитивистов проявляется в том, что попытки обновления предпринимаются не на основе и не в развитие предшествующего научного опыта, а как его отрицание. Разумеется, подобный радикализм не только не способствует восстановлению истинной картины развития ТМО как научной дисциплины и уяснению логики ее развития, но и, напротив, вносит путаницу и порождает совершенно неконструктивную полемику с оппонентами. При этом некоторые радикальные школы постпозитивизма (например, постмодернизм, постмарксизм и постфеминизм), будучи в философском плане релятивистами, открыто декларируют свою незаинтересованность в поиске истины как таковой.

Что касается российских адептов ТМО, то “масла в огонь” ведущейся полемики “подливает” такая специфическая проблема отечественной постсоветской международно-политической науки, как некритическое заимствование западных концепций и методов, которое нередко превращалось “в формальное описание-перевод” [Кузнецов, Козинец 2016: 16]. Можно рассматривать уже упомянутую статью Т.А. Алексеевой и ряд других ее публикаций [Алексеева 2012; 2014; 2015; Алексеева, Лебедева 2016] как шаги на пути формирования собственной интеллектуальной традиции в области ТМО, к чему неоднократно призывали такие ведущие представители отечественной международно-политической науки, как А.Д. Богатуров, М.М. Лебедева, А.Ю. Мельвиль, А.В. Торкунов, И.Г. Тюлин, П.А. Цыганков, А.П. Цыганков.

Центральный вопрос, который ставит Т.А. Алексеева, – были ли “Великие дебаты” (“Большие споры”) в действительности, или это – всего лишь плод воображения ряда известных ученых прошлого, некий “конструкт”, созданный ими для определенных целей и ставший каноническим лишь благодаря их авторитету? А вот современные, не менее авторитетные ученые, видят историю ТМО совсем по-иному: в ней эти дебаты занимают не главное место или вообще отсутствуют. Из подобной постановки проблемы логически вытекает следующий вопрос: насколько корректно представлять всю историю развития

ТМО как историю “Великих дебатов”? Не говоря уже об изредка встречающихся попытках представить эволюцию данной научной дисциплины как процесс смены одной парадигмы другой (явно под влиянием небезызвестной концепции научных революций Т. Куна).

Следует признать правоту автора статьи по следующим пунктам:

Во-первых, было бы большим упрощением сводить историю международно-политической науки только к “Великим дебатам”. На самом деле, последние обозначали лишь некие – по выражению Т.А. Алексеевой “реперные” – точки в развитии ТМО, когда, как правило, эта дисциплина оказывалась в ситуации кризиса по причинам внутреннего или внешнего характера, и требовались новые объясняющие теории, методология, прогностический инструментарий и пр. При этом внутри ТМО различные направления и школы часто развивались с разной скоростью и даже разнонаправленно, нередко не совпадая с этапами “Великих дебатов” и создавая тем самым проблемы с датировкой этих этапов.

Во-вторых, ученые, занимавшиеся изучением истории ТМО, далеко не всегда предлагали четкие критерии для выделения этапов “Великих дебатов”. Между тем различные их этапы имели разную природу. Так, первый и четвертый этапы носили явно выраженный межпарадигмальный характер (реализм против идеализма-либерализма и постпозитивизм против позитивизма). В ходе второго этапа затрагивались в основном проблемы методологии исследования, а сторонники “традиционализма” (поборники традиционных интуитивно-логических методов) и “модернизма” (приверженцы методов точных и естественных наук или “научных” методов) имелись среди как реалистов, так и либералов. Третий этап “Великих дебатов” вообще имел комбинированный характер: начавшись внутри либеральной парадигмы с возникновения группы “транснационалистов” (Р. Кохейн и Дж. Най-мл.), он затем трансформировался в межпарадигмальный спор “нео-нео” (неореализм и неолиберализм), а закончился “отпочкованием” наиболее радикальных мыслителей, которые, объединившись с неомарксистами разного толка, образовали новую – глобалистскую – парадигму ТМО [Коньшев, Сергунин 2013].

В-третьих, иногда теоретические споры начинались и проходили без конкретного или персонифицированного оппонента, они велись не столько с определенными представителями конкурирующей парадигмы или школы, сколько с совокупностью идей, собирательным образом интеллектуального противника, чьи взгляды были неприемлемы для инициатора дискуссии. Именно об этом пишет Т.А. Алексеева в ряде своих статей [Алексеева 2015; 2016: 11-12], когда описывает полемику Э. Карра с “утопистами”. Часто дебаты были средством не столько поиска истины и дальнейшего совершенствования международно-политической теории, сколько поиска самого себя или обретения собственной идентичности. В споре с другими, пусть даже с воображаемыми, оппонентами, легче всего понять, в чем состоит твое мировоззрение и что отличает тебя от других “коллег по цеху”.

Наконец, в-четвертых, концепция “Великих дебатов” применима только к периодизации истории англо-саксонской ТМО. Существование незападных теорий, некоторых западных национальных школ (Франции, Германии), а также альтернативных направлений международно-политической мысли (например, марксизма-ленинизма, имевшего достаточно высокоразвитую

ТМО в виде теории социалистической революции и национально-освободительной борьбы) полностью игнорировалось или замалчивалось англо-саксонским мейнстримом на протяжении долгого времени.

Обозначив “болевые” точки концепции развития ТМО как истории “Великих дебатов” и поставив ряд связанных с этим вполне правомерных дискуссионных вопросов, Т.А. Алексеева, однако, дает на эти вопросы ответы, с которыми не всегда можно согласиться.

Прежде всего, стоит обратить внимание на тот факт, что Т.А. Алексеева предпочитает воспринимать развитие ТМО не как реальную историю данной дисциплины с действительно существовавшими исследователями, формировавшими различные парадигмы и школы международно-политической теории, которые вели дискуссии путем публикации работ, выступали на конференциях и в СМИ, контактировали с политиками-практиками. Она берет историю ТМО как дискурс, представленный текстами, которые вступают в “диалог” друг с другом. В этом “диалоге” рождаются некие конструкты, которые могут и не иметь никакого отношения к той реальности, где действуют конкретные личности, теоретизирующие по поводу ТМО. С этой точки зрения, сами понятия – идеализм, реализм, “Великие дебаты” и пр. – также не более чем конструкты, которые могут менять свой смысл и значение в зависимости от обстоятельств или задач, которые ставит перед собой исследователь, в данном случае – историк ТМО.

Т.А. Алексеева со ссылкой на работы Б. Шмидта и Л. Эшуорта отмечает, что “Великие дебаты” – всего лишь социально сконструированный миф (“дисциплинарный миф”), сформированный относительно недавно в процессе изучения истории международно-политической мысли (в частности такими известными учеными, как Х. Булл и М. Каплан) и получивший особую популярность в ходе третьих “Великих дебатов” [Алексеева 2016: 10-11]. Правда, в другой части статьи Т.А. Алексеева называет их уже не мифом, а “полуправдой” [там же: 15]. Такое восприятие “Великих дебатов” весьма характерно для социального конструктивизма, с позиций которого выступает Т.А. Алексеева¹. В конструктивистской интерпретации “Великие дебаты” – это дискурс о научной дисциплине, а не сама дисциплина в ее исторической конкретике, реконструируемая в том виде, в каком она существовала в действительности. Такой подход мы трактуем как характерную для конструктивистов вольность в обращении с историческим материалом.

В дискурсе Б. Шмидта различия между идеализмом и реализмом объявляются ложными; в дискурсах Л. Эшуорта и П. Уилсона “идеализм” – это не реально существовавшая в межвоенный период парадигма ТМО, а всего лишь обидный ярлык, созданный политическими реалистами в полемике, чтобы унижить “либеральных интернационалистов”; в интерпретации Д. Белла появление концепта “Больших споров” – это попытка легитимация более современных теорий и подходов, относящихся, скорее, к периоду “Третьих дебатов”.

Неслучайным выглядит тезис Т.А. Алексеевой о том, что “легенду об ‘идеализме’ можно повернуть в любую сторону” и что “... ‘идеалист’ как ‘Другой’ мог быть использован в любом качестве” [там же: 12]. Конечно, это можно делать, как и объявлять “Великие дебаты” мифом или полуправдой, но только в случае, если брать за основу лишь бесконечно меняющийся дискурс, а не реальную историю научной дисциплины.

¹ Свое конструктивистское “кредо” Т.А. Алексеева изложила в докладе на VII Конгрессе РАМИ и в одной из статей в журнале “Сравнительная политика” [Алексеева 2012; 2014].

В связи с этим возникает вопрос: а были ли на самом деле “Первые дебаты” (да и все последующие), или это выдумка Э. Карра и других ученых-международников, “сочинявших” историю своей научной дисциплины?

Вслед за Л. Эшуортом, П. Уилсоном и Б. Шмидтом, Т.А. Алексеева утверждает, что как таковых дебатов между реалистами и идеалистами не было, поскольку “исторических свидетельств первых ‘Великих дебатов’ не обнаружено: интеллектуального обмена между представителями двух течений в предвоенные годы не происходило, не говоря уже о теоретическом споре, академической полемике или научном конфликте” [там же: 11]. В другом месте автор констатирует: “Подчеркнем: ‘дебаты’ предполагают наличие как минимум двух сторон — участников дискуссии. Если позиция ‘реалистов’ в отношении ‘идеалистов’ всегда подробно излагается, то можем ли мы вспомнить хотя бы одно ‘знаковое’ имя ученого того периода, ответившего им? В случае, если такого ответа не было, следует заключить, что речь идет не о дебатах, а о *критике*” [там же: 12].

Но так ли было на самом деле? Обратимся к классической работе Э. Карра “Двадцатилетний кризис. 1919-1939. Введение в науку о международных отношениях”, которая по иронии судьбы вышла в свет одновременно с началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г. и которая, как считается, положила начало “Первым дебатам”. В предисловии ко второму изданию книги Э. Карр подчеркивает, что написал ее, чтобы “противодействовать вопиющему и опасному недостатку, практически всеобщему мнению, как *академическому, так и обывательскому*, о международной политике в англоговорящих странах с 1919 г. по 1939 г. — почти полному пренебрежению фактором силы” [Carr 2001: CV].

В качестве адресатов его критики был не абстрактный набор “утопических” идей (Э. Карр использовал именно этот термин, а не “идеализм”), а их вполне конкретные носители — политики и ученые либеральной направленности. Прежде всего, это был американский президент В. Вильсон, автор идеи создания Лиги наций и мирового порядка, основанного на нормах и принципах международного права. Среди мыслителей-либералов излюбленными мишенями критики Карра были Н. Энджел (известный публицист, член Парламента от Лейбористской партии и Нобелевский лауреат мира) [Carr 2001: 13, 28, 38, 43, 107], А. Тойнби (в то время директор исследовательских программ Королевского института международных отношений) [ibid.: 32, 72-77, 150] и А. Циммерн (первый заведующий кафедрой международных отношений им. В. Вильсона в Университете Уэльса, а позже — профессор Оксфордского университета) [ibid.: 35, 38, 43, 75, 110, 143, 152, 189].

Либералы-международники не оставили без ответа полемические выпады Э. Карра [Wilson 2000]. В рецензии на книгу Карра Н. Энджел назвал ее “абсолютно вредным образчиком изощенного морального нигилизма” и отметил, что она приемлема для сторонников как Маркса, так и Гитлера. Он написал ответ Карру — книгу под названием “Почему свобода важна”. А. Тойнби писал о Карре, что он — “законченный разоблачитель, которого самого разоблачила война”. Он также отмечал, что книга Карра оставляет читателя в полном “моральном вакууме и политическом тупике”. Еще один представитель либеральной мысли Р.У. Сетон-Уотсон назвал произведение Карра “настоящим фарсом”, отметив, что автор пишет о морали в политике, ни разу не упомянув ценности христианства. А. Циммерн также называл Карра “человеком без морального компаса”, “радикальным релятивистом”,

неспособным отличить зло от добра и плохое от хорошего [Carr 2001: XXIX]. Один из тогдашних лидеров Фабианского общества Л. Вулф подверг критике Карра за непоследовательность в использовании термина “утопизм”, указав на то обстоятельство, что “политика умиротворения” Гитлера, предложенная британским премьер-министром Н. Чемберленом, оказалась не менее утопичной, чем курс Лиги наций, ибо они не смогли остановить нацистскую экспансию в Европе и предотвратить войну [ibid.: XXX].

Продолжая полемику со своими оппонентами, Карр опубликовал в 1942 г. книгу “Условия мира” [Carr 1942], написанную, по его выражению, в “утопическом духе”. На самом деле Карр пытался, как он говорил, избавиться от “грубого реализма”, характерного для “Двадцатилетнего кризиса”, и создать более сбалансированную картину мира.

Так все-таки был интеллектуальный обмен между идеалистами и реалистами? Отметим также, что для своего времени Н. Энджел, А. Тойнби, А. Циммерн, Р.У. Сетон-Уотсон и Л. Вулф были не менее “знаковыми фигурами”, чем Э. Карр, который к моменту выхода “Двадцатилетнего кризиса” лишь недавно начал карьеру в академическом мире, уйдя в отставку с дипломатической службы в 1936 г.

Можно лишь согласиться с Т.А. Алексеевой в том, что “утописты” так и не произвели на свет канонического труда с систематическим изложением взглядов, подобно Э. Карру или Г. Моргентау. Но это не значит, что в “Первых дебатах” не было “другой стороны” в спорах между идеалистами и реалистами, как утверждает Т.А. Алексеева. Дискуссии между двумя парадигмами ТМО, находившимися в стадии становления, были реальными и оживленными. Они немало способствовали дальнейшему оформлению этих двух базовых направлений международно-политической теории.

Интересно, что Т.А. Алексеева, в конечном счете, приходит к такому же выводу: “Конечно же, это не были дебаты четко определенных и прописанных школ” [Алексеева 2016: 13]. Далее она признает, что в 1920-1940-е годы все-таки состоялся “живой обмен мнениями” между “идеалистами” и реалистами, в которых “затрагивались... в частности, проблемы всеобщего мира, нового мирового порядка, сотрудничества и конфликта”. И далее – “либерализм внес важнейший вклад в формирование представлений о мирном мироустройстве: без его вклада не было бы ни идеи ООН, ни международного права, ни многих фундаментальных принципов современного миропорядка” [там же: 13].

В целом, памятуя о всей условности датировки тех или иных “Великих дебатов”, спорности вопроса об их количестве (три или четыре), возможности новых дебатов, необходимости уточнения предмета и содержания теоретико-методологических споров на каждом из их этапов, все же вряд ли стоит подвергать сомнению саму идею периодизации истории развития ТМО. Со всеми оговорками “привязка” истории западной ТМО к “Большим спорам” пока не утратила своей эвристической ценности [Коньшев, Сергунин 2013]. В конце концов, ни одна существующая периодизация в общественных науках не идеальна. Вспомним, например, непрекращающиеся споры вокруг, казалось бы, такого очевидного вопроса, как периодизация мировой истории. Историки до сих пор спорят между собой, когда закончился период античности и наступило Средневековье, когда, в свою очередь, закончились Средние века и наступило Новое время, когда завершилась холодная война и пр. Тем не ме-

нее, все подобные споры не ставят под сомнение полезность и легитимность использования метода периодизации (как и классификации) для изучения исторического развития того или иного явления (в нашем случае – ТМО).

Конструктивистский подход к истории ТМО, отождествляющий реальность и дискурс, вряд ли может быть полезен для плодотворного изучения развития данной дисциплины. Познание истины подменяется отсылкой к бесконечной череде постоянно меняющихся мнений (дискурсу), ни одно из которых якобы не может претендовать на объективность и истинность. И тогда любое явление мировой политики или истории ТМО превращается в эфемерный конструкт, о котором нельзя сказать почти ничего определенного, кроме того, что он все время меняется вслед за дискурсом. Вряд ли можно согласиться и с тезисом Алексеевой, что для адекватного структурирования ТМО надо “отходить от уже устаревшей англо-американской версии теоретико-международного дискурса с его мифологией Великих дебатов” в онтологию и эпистемологию [Алексеева 2016: 19].

Во-первых, подобная постановка вопроса перемещает фокус дискуссии с истории развития ТМО и возможности ее периодизации на проблему типологии современной международно-политической теории. Несомненно, это – два связанных друг с другом вопроса, ибо состояние той или иной науки в каждый данный момент зависит от предшествующего развития, от того интеллектуального багажа, который она унаследовала от прошлого. Но, в то же время, это – два разных, нетождественных вопроса. Историко-генетический подход к изучению той или иной дисциплины нацелен на определение закономерностей, движущих сил и этапов ее развития, в то время как структурирование предполагает использование, прежде всего, метода классификации, ориентированного на выделение в изучаемой научной дисциплине различных классов, типов и групп теорий, школ, парадигм, направлений.

Во-вторых, непонятно, как можно по-новому структурировать ТМО, являющуюся частью политической теории, опираясь на онтологические и эпистемологические критерии? И какое новое знание науке о международных отношениях может дать ее структурирование на основе достаточно абстрактных философских категорий или “онтологических и эпистемологических различий”?

Непонятно, как рассуждения вокруг рационализма и рефлексии, “объясняющей” и “понимающей” науки, предпочтительности диалога монологу в научных дискуссиях, дихотомии структуры и агента, “интерсубъективности”, “интертекстуальности” и пр. могут способствовать интеллектуальному “прорыву” в современной ТМО, которой, помимо “витания” в философских “эмпиреях”, приходится иметь дело с конкретными проблемами мировой политики? Тем более что авторы подобного подхода – социальные конструктивисты – сами затрудняются объяснить его содержание. Что это – парадигма, теория, методология, только совокупность методов, в чем заключается специфика онтологии и эпистемологии? [Алексеева 2014: 5-6]. Неслучайно, как отмечает Т.А. Алексеева в одной из своих статей, основоположник социального конструктивизма А. Вендт разочаровался в собственной теории и начал поиск новой парадигмы на основе квантовой теории [Алексеева, Лебедева 2016: 39-40].

По этой причине более предпочтительной видится структуризация ТМО на основании более конкретных, содержательных и четких критериев, к числу которых относятся позиции различных парадигм и школ по таким спорным

вопросам, как количество и природа субъектов мировой политики, роль государства, формирующихся структур глобального управления, международных организаций, международного права, сотрудничества, экономического и экологических факторов, науки, культуры, морали и военной силы в современных международных отношениях и пр.

Алексеева Т.А. 2012. Насколько теоретична теория международных отношений? Современное состояние дисциплины. — *Тезисы VII Конвента РАМИ: Теория международных отношений*. 8 с. Доступ: http://www.rami.ru/images/7theses/tmo_alexeeva.doc (проверено 22.03.2017).

Алексеева Т.А. 2014. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир. — *Сравнительная политика*. № 1 (14). С. 4-21. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21)

Алексеева Т.А. 2015. Рождение мифа: начало первых “великих дебатов” в теории международных отношений. — *Вестник МГИМО Университета*. № 6 (45). С. 30-39.

Алексеева Т.А. 2016. Дебаты о “Великих дебатах”: как структурировать теорию международных отношений? — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 9-21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.02>

Алексеева Т.А., Лебедева М.М. 2016. Что происходит с теорией международных отношений. — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 29-43. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.03>

Коньшев В.Н., Сергунин А.А. 2013. Теория международных отношений: Канун новых “великих дебатов”? — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 66-78. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4687> (accessed 27.03.2017).

Кузнецов А.М., Козинец А.И. 2016. Незападные теории международных отношений — от маргинальности к признанию. — *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. № 4 (39). С. 8-23.

Carr E. 1942. *Conditions of Peace*. L.: Macmillan & Co. xxiv + 279 p.

Carr E. 2001. *The Twenty Years Crisis, 1919-1939: an Introduction to the Study of International Relations*. Basingstoke: Palgrave. 233 p.

Wilson P. 2000. Carr and His Early Critics: Responses to “The Twenty Years Crisis, 1919-1946”. — *E.H. Carr: A Critical Appraisal*. Ed. by M. Cox. Basingstoke: Palgrave. P. 165-197.

DOI: [10.17976/jpps/2017.04.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.11)

“THE GREAT DEBATES”: THE MEANS OF STRUCTURING OR PERIODIZATION OF INTERNATIONAL RELATIONS THEORY?

V.N. Konyshchev¹, A.A. Sergunin¹

¹*Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia*

KONYSHEV Valerii Nikolaevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University. Email: konyshchev06@mail.ru; SERGUNIN Aleksandr Anatol'evich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University. Email: sergunin60@mail.ru

Konyshchev V.N., Sergunin A.A. “The Great Debates”: The Means of Structuring or Periodization of International Relations Theory? — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. P. 156-164. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.11>

Acknowledgments. This article was prepared with financial support provided by the Russian Science Foundation (research grant No. 16-17-10085)

Received: 03.02.2017. Accepted: 20.02.2017

Abstract. The article is a reflection on the paper of T.A. Alexeyeva (The Debates about “Great Debates.” How to Structure the Theory of International Relations – Polis. Political Studies. 2016. No. 6. P. 9-21 (In Russ)). The questions raised by T.A. Alekseeva help to understand the origins of ideological and methodological crisis in international relations theory (IRT), which began 25–30 years ago, and has not been overcome until now. The authors emphasize that T.A. Alekseeva, standing on the position of social constructivism, shifts the discussion of the “Great Debates” to the sphere of discourse analysis in the framework of the IRT. Authors agreed with T.A. Alexeyeva in some conclusions: there are different points of view on the periodization and the content of the debate; the debate was sometimes held with some generalized set of ideas, rather than with specific scientists; the use of the “Great Debates” for the periodization of the evolution of IRT does not fully cover the diversity observed in its evolution. At the same time, the authors objected to the statement of T.A. Alekseeva, that the “Great Debates” are just a myth or some kind of half-truth, which reflects some aspects of corresponding discourse. The authors suggest a counter-statement by elaborating their own position in the questions of the IRT history and its evolution as a discipline, according to which the utility of constructivist approach is put into question.

Keywords: international relations theory; “the Great Debates”; social constructivism; evolution of international relations theory; discourse.

References

Alekseyeva T.A. Naskol’ko teoretichna teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii? Sovremennoe sostoyanie distsipliny [How Theoretic is the Theory of International Relations? The Modern State of the Discipline]. – *Tezisy VII Konventa RAMI: Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [The RAMI Convention Proceedings: Theory of International Relations]. 2012. 8 p. (In Russ.) URL: http://www.rami.ru/images/7theses/tmo_alexeeva.doc (accessed 22.03.2017).

Alekseyeva T.A. The Debates about “Great Debates”: How to Structure the Theory of International Relations. – *Polis. Political Studies*. 2016. No. 6. P. 9-21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.02>

Alekseyeva T.A., Lebedeva M.M. What Is Happening to the Theory of International Relations. – *Polis. Political Studies*. 2016. No. 1. P. 29-43. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.03>

Alexeyeva T.A. The Creation of Myth: Starting the First “Great Debate” in International Relations Theory. – *Vestnik MGIMO-University*. 2015. No. 6 (45). P. 30-39. (In Russ.)

Alexeyeva T.A. Think Like Constructivist: Discovering a Polyphonic World. – *Comparative Politics Russia*. 2014. Vol. 5. No. 1 (14). P. 4-21. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21)

Carr E. *Conditions of Peace*. L.: Macmillan & Co. 1942. xxiv + 279 p.

Carr E. *The Twenty Years Crisis, 1919-1939: an Introduction to the Study of International Relations*. Basingstoke: Palgrave. 2001. 233 p.

Konyshev V.N., Sergunin A.A. International Relations Theory: on the Threshold of New “Great Debates”? – *Polis. Political Studies*. 2013. No. 2. P. 66-78. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/article/4687> (accessed 27.03.2017).

Kozinets A.M., Kuznetsov A.I. Non-Western International Relations Theories – from Marginality to Recognition. – *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2016. No. 4 (39). P. 8-23. (In Russ.)

Wilson P. Carr and His Early Critics: Responses to “The Twenty Years Crisis, 1919-1946”. – *E.H. Carr: A Critical Appraisal*. Ed. by M. Cox. Basingstoke: Palgrave. 2000. P. 165-197.